

О СЛОВЕ *ARBUSE*,
ОДНОМ ИЗ ПЕРВЫХ РУСИЗМОВ В ЯЗЫКЕ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ

ИОЛАНТА МЭНДЭЛЬСКА, МАРЕК ЦЕШКОВСКИ,
МАРИЯ ЯНКОВЯК-РУТКОВСКА

Университет Казимира Великого в Быдгоще, Польша

MEDELSKA, Jolanta – CIESZKOWSKI, Marek – JANKOWIAK-RUTKOWSKA, Maria: About the Word *Arbuse* As One of the First Russicisms in the Language of Russian Germans. *Journal of Linguistics*, 2014, Vol. 65, No 1, pp. 5 – 21. (Bratislava)

Abstract: The article presents the process of creation of German island dialects in Russia and in the USSR. Starting in the second half of the 18th century, people from various German regions, primarily farmers and artisans, migrated to Russia. The authorities most frequently settled them in so-called colonies, or in other words, compact country villages, which were typically separated widely from each other. Germans settled in very large numbers along the Volga, in southern Russia, Crimea, the Caucasus, as well as in the St. Petersburg region, Novgorod, Voronezh and Volyn.

The arrivals from Germany brought with them a wide range of dialects and local varieties. Arriving in the colonies, they most commonly settled down based on their places of origin in Germany, but sometimes by religious denomination or even on the basis of friendships formed on the way to Russia. In this way, the residents of one colony might speak even dozens of substantially different dialects and local varieties. These native varieties of speech mixed together and created a common code, which nevertheless retained archaisms as a result of the lack of contact with the living German language.

Despite the significant degree to which Germans were isolated from Russians, linguistic borrowings from Russian began to appear in their language early on, even during the long journey to the migrants' new home. Primarily, lexis required for everyday life were borrowed.

The authors of this article, in researching the Soviet variety of German in Russia, observed that the Russicism *Arbuse* appeared frequently in this variety, yet only rarely – as dictionary entries testify – in German used in Germany. Analysis revealed that *Arbuse* is one of the earliest and most widely spread Russicisms in the language of Germans from Russia. Likely it is through their particular code that the term made its way into German dictionaries.

Key words: Language of Germans from Russia, postrevolutionary era, Russicisms, *Arbuse*

На территории России во второй половине XVIII в. и в XIX в. стали появляться многочисленные немецкие языковые острова (в Поволжье, на юге России, в Крыму, на Кавказе, в окрестностях Санкт-Петербурга, Новгорода, Воронежа, Чернигова, на Волыни) (Чеботарева, 2006, с. 866).

Поток немецких колонистов хлынул в Россию после манифестов Екатерины II (Шлейхер, 1992, с. 4–15; Плева, 1995, с. 26–30; Герман – Плева, 2002, с. 42–46; Lebioda, 2004, с. 38–42; Герман – Иларионова – Плева, 2007, с. 29–83); именно тогда, в последнее тридцатилетие XVIII в., немецкое миграционное движение переросло от миграции отдельных лиц в русские города к переселению целых групп немцев в сельские местности¹ (Brandes, 1997, с. 50).

Виктором М. Жирмунским (1933, с. 87–89) выделены три волны иммиграционного движения в Россию немецких крестьян-поселенцев (с 1764 г. по 70-е гг. XIX в.). Итак:

Первая волна. В 1764–1774 гг. на Волге были основаны 106 колоний (материнские колонии, *Mutterkolonien*). Из них в 1846–1870 гг. и после Октябрьской революции образовались (путем дальнейшего переселения) т. н. выселки (дочерние колонии,² *Tochterkolonien*). В начале 30-х гг. XX в. в Автономной Советской Социалистической Республике Немцев Поволжья насчитывалось около 300 немецких селений. Одновременно с поволжскими колониями, в 1765 г., образовалось 6 колоний в бывшей Петербургской губернии,³ 6 – в Черниговской (беловежская группа) и 1 – в Воронежской (Рибенсдорф). В Ленинградской области в 30-е гг. XX в. существовало свыше 30 немецких поселков. Последние из них – это выселки или колонии, основанные поселенцами, вновь приехавшими из Германии во время александровской колонизации (1809–1811 гг.).⁴

Вторая волна. В связи с войнами с Турцией и колонизационной политикой Потемкина были основаны немецкие колонии на Украине (бывшая Новороссия).⁵ С 1790 г. стали появляться первые меннонитские поселки в окрестностях Хортицы (Запорожский округ). В 1824 г. в бывшей Новороссии насчитывалось 18 таких колоний около Хортицы и 38 на реке Молочная (бывшая Таврическая губерния). В 1855–1870 гг. возник третий меннонитский центр – на Волге.⁶ Колонизацию Черноморского края возобновил Александр I. При нем с 1803 по 1823 г. в Новороссии были основаны 159 немецких колоний (из них 134 – на южной Украине, 8 – в Крыму). Со временем из них выделились выселки, распространившиеся на соседние области северной Украины (Харьковская и Киевская губернии), Донскую область и Северный Кавказ. До начала Первой мировой войны в Черноморском крае насчитывалось не менее 1000 немецких колоний (240 из них – в Крыму). Во время правления Алексан-

¹ Нередко такие сельские местности-колонии разрастались до городских размеров (см. Дидендорф, 1995). Очень большие колонии были характерны особенно для Поволжья, иногда они насчитывали 5000–8000 жителей (Жирмунский, 1933, с. 92).

² Вейлерт, 1975, с. 102.

³ Ново-Саратовка, Колпино, Средняя Рогатка и 3 поселка в окрестностях Кингисеппа.

⁴ Стрельна, Кипень и мелкие селения в окрестностях Петергофа и Ораниенбаума.

⁵ Альт-Данциг, Иосефсталь, Рыбальск, Ямбург.

⁶ Самарская и кеппентальская группы.

дра I немецкие колонии стали основываться и в Закавказье, куда переселялись в 1817–1819 гг. витембергские сектанты, вследствие религиозных брожений массово эмигрирующие в Россию. Ими были основаны 5 колоний в Грузии и 2 в Азербайджане. Частью этих переселенцев была образована колония Гофнунгсталь (Одесский округ), а также швабские селения в окрестностях Брянска.

Третья волна. В 1830–1870 гг. были основаны немецкие колонии на Волыни.⁷

Здесь, как правило, колонисты поселялись в качестве арендаторов владений польских помещиков. До начала Первой мировой войны на Волыни существовало свыше 550 немецких поселков. Кроме того, немцы оседали на юге Урала, в Сибири и в Туркменистане (с 1890 г. переезжали туда из старых колоний на Волге, в Черноморском крае и на Волыни). До войны существовало таких выселков не менее 300.

После Октябрьской революции, в 20-е и 30-е гг. XX в., российские немцы составляли самое многочисленное национальное меньшинство (1238 тыс. граждан), имевшее свое государство вне Советского Союза (Iwanow, 1991, с. 39).⁸ Для них декретом от 20 февраля 1924 г. была учреждена Автономная Советская Социалистическая Республика Немцев Поволжья (АССР НП) (Дизендорф, 2006, с. 9) – способ привлечения местных немцев к коммунистической идеологии и одно из орудий установления советской власти в немецких колониях (Герман – Плеве, 2002, с. 110). Республика просуществовала до 26 августа 1941 г.⁹ С 1934 г. под предлогом борьбы с фашистами и их пособниками советские немцы, особенно представители интеллигенции, подвергались политическим репрессиям (Ченцов, 1996; Герман – Плеве, 2002, с. 138; Чеботарева – Черказьянова, 2004, с. 681–682; Герман, 2004, с. 630). Осенью 1941 г. АССР НП была ликвидирована, ее территория включена в Саратовскую и Сталинградскую области, а немецкое население республики – депортировано в Сибирь и Казахстан (Бугай, 1994; Дизендорф, 2006, с. 10). На новых местах жительства стали возникать новые немецкие поселки.

Системная, организованная колонизация немцами российских земель привела к образованию немецких языковых островов, располагающихся за пределами компактной немецкоязычной области, существовавших и развивавшихся в чужом славянском (реже – в неславянском) языковом окружении. «Островные (колониальные) говоры – это говоры, которые, функционируя в иноязычной среде на протяжении длительного времени, развивались в соответствии с дописменными традициями, сохраняя грамматический строй и архаическую лексику» (Чеботарева, 2006, с. 881).

---

⁷ См. также: Лютова, 1979.

⁸ В городах проживало 184 769 немцев, в сельских местностях – 1 053 717; колоний в то время насчитывалось не менее 2000 (Жирмунский, 1933, с. 84).

⁹ Подробнее: Чеботарева, 1999.

По отношению к немецкому языку принято выделять два типа языковых островов: 1) маргинальную область распространения, называемую также окраинной (располагающуюся контактно с основным ареалом немецкого языка, напр., Эльзас и часть Лотарингии) и 2) дистантно расположенные языковые области, возникшие вследствие переселения групп носителей немецкого языка в иноязычные страны (напр., в Канаду, США, Австралию). Ко вторым, дистантным, относятся немецкие языковые острова в России (Смирницкая – Баротов, 2002, с. 151–152).

Долгие годы немецкие языковые острова в России почти не входили в контакт не только с иноязычными соседями, но и с соседями-соотечественниками. Колонии располагались обычно в отдалении друг от друга, «в ряде случаев их отделяли сотни, а то и тысячи километров» (Чеботарева, 2006, с. 866), что способствовало консервации языковых особенностей немецких диалектов,¹⁰ сохранению их почти в чистом виде.

Как еще в 20-е гг. XX в. заметил Георг Г. Дингес (1925, с. 12), «говоры сел с первого взгляда разнятся друг от друга», а различия связаны с местом происхождения поселенцев.¹¹ Немецкие колонисты – это выходцы из различных мест в Германии XVIII в., перенесшие в Россию свои родные диалекты и на новой родине продолжавшие изъясняться на них (каждый на своем, определенном) (Berend – Post, 1997, с. 5). Часто немецкие эмигранты объединялись на новом месте в России (компактно поселялись) не по принципу землячества, а на основе принадлежности к определенной конфессии (лютеране, католики, кальвинисты и др.). Нередко рядом селились выходцы, просто подружившиеся в пути на новое место жительства. Их диалекты смешивались вследствие соседского общения, вследствие установления брачных отношений и по другим причинам. На основе господствующего наречия формировался говор села (с примесью рудиментарных признаков других говоров) (Чеботарева, 2004, с. 877). Как предполагал В. М. Жирмунский (1933), в принципе все немецкие говоры в России – смешанные, поскольку в каждой колонии жили выходцы из разных регионов Германии, однако в части поселений один диалект почти полностью поглотил другие, в части же – образовался совершенно новый продукт смешения (с. 95). Каждая колония говорит на своем собственном диалекте. Это немецкий диалект, привезенный из Германии, или же немецкий диалект, образовавшийся уже на новой родине (с. 92).

---

¹⁰ Исследователи назвали их «колониальными», «островными».

¹¹ К примеру, исследования, проведенные в 1926–1930 гг., позволили собрать языковой материал и определить основные диалектные типы, встречавшиеся в то время в немецких поселениях южной Украины, Крыма и Закавказья. Установлено, что немцы, там проживавшие, пользовались, между другими, средненемецкими диалектами (верхнегессенским, западно-рейнско-пфальцским, южно-рейнско-пфальцским) (Жирмунский, 1933, с. 94–97).

Говоры поволжских немцев, самых многочисленных представителей немецкого меньшинства в России, привлекли к себе внимание только в 1910 г. (Дингес, 1925, с. 12). Именно тогда шульмейстер Иоанн Георг Кромм, работавший в селе Ягодная Поляна, опубликовал¹² свои наблюдения об истории села, напечатал список первых поселенцев, указал местности, откуда отдельные немецкие семьи приехали в Россию, и «дал большой связной текст на ягодно-полянском языке». В 1913 г. научное изучение поволжских диалектов начал Ф. Вреде.¹³ На основании ответов на анкету, разосланную по поволжским деревням А. Ф. Лозингером, было замечено сильное перемещение диалектов, так как вдруг близкими соседями стали жители востока, юга и севера Германии, изъяснявшиеся каждый на своем немецком диалекте. В 1914 г. были сделаны первые профессиональные фонетические записи т. н. поволжско-немецкого¹⁴ диалекта деревни Верхняя Грязнуха (Крафт). Установлено, что хотя прошло 150 лет со дня основания села, в его говоре все еще нет единообразия: в речи отдельных семей сохраняются диалектные особенности тех мест в Германии, откуда данная семья прибыла в Россию (Дингес, 1925, с. 13). Первая классификация немецких диалектов в России была разработана В. Унвертом¹⁵ (по языковому материалу, собранному у колонистов, пребывающих в Германии в качестве военнопленных). Однако, по Г. Г. Дингесу, чтобы дать полную картину поволжско-немецких диалектов, необходимо располагать материалом из всех колоний, так как невозможно предугадать, на каком говоре изъясняются жители соседних деревень. За приготовление карточек для языкового атласа немецких говоров Поволжья Г. Г. Дингес принялся в 1922 г. Первые результаты своей работы он представил в статье,¹⁶ изданной годом позже (Дингес, 1925, с. 15–18). Именно по этим материалам 20-х гг. в конце XX в. был издан «Языковой атлас поволжских немцев» (Dinges, 1997). В довоенный период немецкие диалекты Поволжья исследовал также Андрей П. Дульзон.¹⁷ Ученого особо занимали правила смешения диалектов, а ведь немецко-поволжские говоры – лучший объект таких исследований.¹⁸

---

¹² В провинциальной газете «Schottener Kreisblatt».

¹³ Из марбургского университета.

¹⁴ В названиях немецких говоров в России применялась не типологическая классификация немецких диалектов (напр., нижнесаксонский), а географическое название (от места расположения на новой родине). Как замечает А. А. Вейлерт (1975), это стало бесосновательным после депортации немцев на Урал, в Сибирь и Казахстан (с. 97–98).

¹⁵ Из грейфсвальдского университета.

¹⁶ Dinges, 1923.

¹⁷ О судьбах Г. Г. Дингеса и А. П. Дульзона см.: Смирницкая, 2002.

¹⁸ Например, говор деревни Прейс образовался за короткий срок в результате смешения говоров выходцев из 129 населенных пунктов Германии, Австрии и Франции. В этих пунктах представлены 4 диалектные группы: нижненемецкая, среднефранкская, рейнско-франкская и верхне-немецкая (Дульзон, 1941, с. 82).

Что касается говоров выходцев, переселившихся на Украину, то их уже в XIX в. стал описывать – правда, непрофессионально – чиновник В. Бауманн. Наблюдая речь колонистов на реке Молочной, он заметил тенденцию к формированию общего диалекта путем смешения говоров. С 20-х гг. XX в. переселенческие говоры юга Украины стал детально изучать лингвист В. М. Жирмунский. «Он в сотрудничестве с учениками воссоздал этно-религиозный состав эмигрантов из Германии, определил характер их расселения, установил общие принципы диалектного смешения в колониальных говорах украинских колоний и предложил дефиниции „смешанная колония“, „смешанный говор“, прочно вошедшие в отечественную диалектологию» (Чеботарева, 2004, с. 877; см. также: Смирницкая, 1996).

Авторами настоящей статьи стал изучаться ранний советский вариант языка российских немцев, употреблявшийся в СССР в 20-е и 30-е гг. XX в.¹⁹ Анализируется его письменная форма, отраженная в книгах, учебниках, словарях (РНС-1929, РНС-1934), брошюрах, пропагандистских материалах, прессе,²⁰ в то время выпускаемых на немецком языке издательствами Немгосиздат и Ukrdershazmen (Герман, 2004; Jankowiak-Rutkowska, 2013, с. 124). Основной отличительной чертой советского немецкого языка следует признать наличие в нем русизмов, особенно, конечно, т. н. советизмов²¹ (Mędelska – Cieszkowski, 2012), но и других русских заимствований, в том числе ориентализмов, прочно вошедших в русский язык из языков народов, проживавших в российской империи и СССР. Можно, наверное, полагать, что часть этих русизмов со временем была перенесена в язык ГДР (главным образом – советизмы), часть вошла и в немецкий литературный язык.

Тема русизмов в языке российских немцев впервые стала разрабатываться лингвистом Г. Г. Дингесом. В 1917 г. им был представлен раздел кандидатской диссертации,²² трактующий о русском влиянии на говоры поволжских немцев. Этимологический словарь, приложенный к этому разделу, содержит 800 лексических единиц.²³ Замечено, что немцы стали заимствовать русскую лексику²⁴ сразу же после переселения в Поволжье. Чем сильнее русское влияние в сфере материальной культуры, тем сильнее и русское воздействие на местный немец-

---

¹⁹ Реализуется нами исследовательский проект «Советизация языка российских немцев в 20-е и 30-е гг. XX века» (2012/05/B/HS2/04104), финансируемый польским Народным центром науки.

²⁰ Подробнее см.: Мэндэльска, 2012; Mędelska, 2013.

²¹ «Под советизмами в широком смысле слова следует понимать все вновь возникшие слова и новообразования для наименования явлений и понятий советской эпохи, которых не было в языке до Великой Социалистической революции» (Берников, 1941, с. 258).

²² Г. Г. Дингес представил ее проф. Поржезинскому (Историко-филологический факультет МГУ).

²³ См. также: Дингес, 1923, с. 67.

²⁴ Фонетическое воздействие не отмечалось.

кий язык (Дингес, 1925, с. 14). Несколькими годами позже была опубликована статья Г. Г. Дингеса о лексических русизмах, вошедших в язык поволжских немцев до 1876 г.²⁵ (Дингес, 1929). Русское влияние прослеживалось лингвистом на материале письменных источников. Это: 1) прямые указания авторов на наличие русизмов, 2) «памятники языка, в которых налицо эти заимствования», 3) факты истории поволжских немцев²⁶ или истории России в целом (с. 195). На необходимость изучать результаты русского воздействия на немецкий язык Г. Г. Дингес указывал и раньше, предлагая одновременно исследовать обратное: влияют ли немецкие говоры на «соседящие с ними» русские диалекты (Дингес, 1925, с. 18).

В. М. Жирмунским было замечено, что в 20-х и 30-х гг. XX в. немецкие колонисты владели не только говором своей деревни, но и – как правило – локально окрашенным немецким литературным языком (его передатчиком из поколения в поколение была церковь, школа, пресса), а также русским, проникающим через школу и через непосредственный контакт с русскими соседями²⁷ (Жирмунский, 1933, с. 92). Русское воздействие наблюдалось в принципе только в словарном составе. Переселенцами заимствовались у соседней названия таких предметов, с которыми они столкнулись впервые именно в России (Жирмунский, 1979, с. 492). Интересно, однако, что еще в 30-е гг. XX в. встречались поволжские немки,²⁸ совсем не знающие русский язык,²⁹ в то время как в части выселков Ленинградской области немецкий язык почти вытеснен русским, особенно в молодом поколении (Жирмунский, 1933, с. 93). Русское воздействие сильнее в Поволжье, чем на Украине, однако самое сильное влияние наблюдалось в окрестностях Ленинграда (следствие соседства с большой аггломерацией). В 1917 г. Г. Г. Дингесом отмечены 800 русизмов, в 30-е гг. – как предполагалось В. М. Жирмунским – их должно быть намного больше, так как появилась новая общественно-политическая и производственно-техническая русская терминология³⁰ (Жирмунский, 1933, с. 99; Берников, 1941, с. 258).

²⁵ Статья написана на материале периода 1764–1876 гг., т. е. с момента поселения немцев на Волге по окончательную ликвидацию самоуправления колониями (Дингес, 1929, с. 197).

²⁶ Напр., русизм *семство* ‘земство’ не мог появиться раньше, чем в 1864 г., когда в немецкие колонии на Волге ввели земские учреждения (Дингес, 1929, с. 195).

²⁷ В колониях юга Украины местные немцы владели часто не русским, а украинским языком, в Крыму и в Закавказье – татарским, в Грузии – грузинским (Жирмунский, 1933, с. 92).

²⁸ Еще до Первой мировой войны редкая немецкая женщина в Поволжье понимала русский язык. Перепись от 1959 г. показала, что 17,2 % немецких крестьянок назвали русский своим родным языком, в то время как сделали это 22,1 % мужчин. В 70-е годы исследователи обнаружили у поволжских мужчин 19,1 % русизмов, у женщин – 14,4 % (Вейлерт, 1979, с. 84–85).

²⁹ Еще интереснее, что даже в 70-е и 80-е гг. XX столетия не все российские немцы владели русским языком, хотя, конечно, большинство из них – билингвы (Бонни, 1978, с. 23; Зинковская, 1981, с. 98).

³⁰ Наблюдения над речью немецких колхозников Поволжья показали, что русизмы-советизмы вроде *ударник*, *уравниловка*, *обезличка* передовыми колхозниками (активистами) заменялись немецкими соответствиями, в то время как остальные слои крестьянства использовали русизмы (Жирмунский, 1933, с. 100–101).

Русизмы обильно проникали и в немецкие народные песни.³¹ С течением времени русское влияние на язык российских немцев значительно усилилось, особенно на наиболее подвижном лексическом уровне (ср.: Беренд, 1978; Лютова, 1978, с. 11–13; Москалюк, 1979, с. 55; Смирницкая, 2002, с. 217–223; Москалюк, 2000; 2003). Даже немецкие родители предпочли обучать детей в школах с русским языком преподавания, а родному немецкому учить их как одному из школьных предметов (Лютова, 1978, с. 106).

Собирая языковой материал для изучения процесса советизации языка российских немцев, в том числе и материал для сравнений и сопоставлений, мы, конечно, в первую очередь выписывали русизмы, встречавшиеся в газетах, книгах, документах, издаваемых на местном немецком языке. Одним из первых таких слов, привлечших наше внимание, было существительное *Arbuse* ‘арбуз (большой, круглый, сочный, сладкий плод огородного растения из семейства тыквенных)’,³² чужеродное, как нам сразу показалось, в немецком языке. В дальнейшем пойдет речь именно о нем.

Итак, согласно данным словарей, *Arbuse* – это в немецком языке³³ русизм³⁴ (перенятый русским языком из персидского³⁵), ср. записи в немецких толковых словарях: «*Arbuse* [ar‘bu:zə], die; -, -n [russ. *arbus* < pers. *arbūza*, eigtl. = *Eselsgurke*³⁶]: *Wassermelone*» (DGWDS-1977, т. 1, с. 184); «russ. *Arbus* < pers. *harbuza*, eigtl. = *Eselsgurke: Wassermelone*» (DGWDS-1999, т. 1, с. 285),³⁷ а также в словарях иностранных слов:³⁸ «*Arbuse* die, -, -n <aus gleichbed. russ. *arbus*, dies aus pers. *charbuza*, eigtl. „Eselsgurke“>: *Wassermelone*, in warmen Gebieten angebautes Kürbisgewächs» (DGFWB, с. 133).

Однако в немецком литературном языке, функционирующем в Германии, словарная единица *Arbuse* мало распространена, редко употребляется.³⁹ Она не

---

³¹ Ср.: *Da oben kommt ein Russ gefahren / Mit'm Lange Droschke. / Sitzt ein zittlich Männche druf, / Handelt mit Kartoschke* (Жирмунский, 1933, с. 101).

³² Приводится по ТСРЯ.

³³ Однако существует и другое мнение. Оно представлено WDW, ср.: «*Arbuse* = *Wassermelone* [zu lat. *arbutum* „Erdbeere“]» (с. 425).

³⁴ Русизмами называем здесь – независимо от этимологии – такие слова, которые пришли в немецкий язык из русского языка (ср.: Вейлерт, 1979, с. 83). *Arbuse* – это один из многочисленных ориентализмов, попавших в язык российских немцев из языков народов России и СССР через посредство русского языка. Сверхпредставленность русизмов-ориентализмов считается одной из отличительных черт немецкого советского языка (Mędelska – Jankowiak-Rutkowska, 2011).

³⁵ См. ЭСРЯ (т. 1, с. 83–84).

³⁶ ‘Ослиный огурец’. Буквально это означает ‘огурец величиной с осла’; см. http://ru.wikipedia.org/wiki/Камышинский_арбузный_фестиваль – время доступа: 21.09.2013.

³⁷ На персидско-русское происхождение слова *Arbuse* указано также в новейшем электронном словаре: «persisch-russisch» (<http://www.duden.de/rechtsschreibung/Arbuse> – время доступа: 21.09.2013).

³⁸ Другое мнение, а именно латинская этимология, представлено в словаре иностранных слов WFWL: «*Arbuse* <f, -, -n> *Wassermelone* [< lat. *Arbutum* „Erdbeere“]» (с. 69).

³⁹ См.: <http://www.duden.de/rechtsschreibung/Arbuse> (время доступа: 21.09.2013).

фиксируется, напр., этимологическими словарями EHDS и EW, объяснительными словарями BW и SUSW, как правило, не вводится в переводные немецко-инопольские словари (см., к примеру, WSPNNP, TEDS, HPC, БНППНС⁴⁰), исключение: немецко-польский словарь (GWDP, т. 1, с. 142).

Между тем, словарная единица *Arbuse*, как показало наше исследование, очень распространена в языке российских немцев. Она применялась ими задолго до советизации этого кода в 20-е и 30-е гг. XX в. и употребляется немцами России по сей день.

Итак, согласно источникам, проанализированным Г. Г. Дингесом, российские (поволжские) немцы занялись выращиванием арбузов⁴¹ почти сразу же после прибытия в Россию.⁴² Пишет об этом Христиан Г. Цюге,⁴³ подмастерье, уроженец города Геры в Тюрингии, в 1765 г. присоединившийся к колонистам, направленным в Россию (Дингес, 1929, с. 201). В его книге зафиксирована форма с глухим согласным: *Arpusen*, ср.: *Noch lieber verzehrten sie eine Art von Melonen, welche Arpusen genannt werden, und von einem sehr angenehmen Geschmacke sind.*⁴⁴ По словам Г. Г. Дингеса (1929, с. 204): «Можно, однако, не сомневаться, что не только Х. Г. Цюге, но и всем другим немцам бросался в глаза арбуз и что еще в то время почти во всех селах заимствовано русское название его». Интересующий нас русизм нашел отражение и в анонимной рукописи, относящейся к 1827 и 1828 гг. Он отмечен Г. Г. Дингесом (1929) среди других характерных русских заимствований, ср.: *Beloturka*,⁴⁵ *Arbusen*, *Bachtschu*,⁴⁶ *Sarpinkasche*, *Sarpinka*, *Prikastchiki*, *Semalinken*⁴⁷ (с. 208). В рукописи поволжского колониста А. Шнайдера (1849 г.) находим словоформу с удво-

⁴⁰ Не фиксируется и электронными словарями, напр.: PONS. Online-Wörterbuch Deutsch-Polnisch, <http://www.pons.de/shop/> (время доступа: 21.09.2013), PONS. Online-Wörterbuch Deutsch-Englisch, <http://www.pons.de/shop/> (время доступа: 21.09.2013).

⁴¹ Занимаются этим делом и в наши дни. В городе Камышин Волгоградской области каждый год в конце сентября проходят зрелищные мероприятия, т. н. Камышинские арбузные фестивали (девиз фестиваля 2011, в котором приняли участие 27 тыс. человек: *Волга – матушка, Арбуз – ба-тюща*); см. http://ru.wikipedia.org/wiki/Камышинский_арбузный_фестиваль (время доступа: 21.09.2013).

⁴² Исследователи Нижнего Поволжья и 1769 г. писали о Камышине следующее: «Жители питались от посева дынь и арбузов [...], ни в каком другом посеве не упражнялись». А вот запись от 1839 г.: «Главное занятие жителей камышинского уезда составляет земледелие, ибо грунт жирен и изобилует жизнотворными силами. Там много сеют арбузов, кои бывают отличной доброты». См: http://ru.wikipedia.org/wiki/Камышинский_арбузный_фестиваль (время доступа: 21.09.2013).

⁴³ Züge, Christian Gottlob: *Der russische Colonist. Naumburg 1802–1803* (приводится по: Дингес, 1929, с. 201).

⁴⁴ Еще охотнее едят они [т. е. русские] род дынь, которые называются арбузами и очень приятны на вкус.

⁴⁵ *Белотурка* (сорт пшеницы).

⁴⁶ *Бахча* 'поле, засеянное арбузами, дынями, расположенное в степи, вдали от усадьбы (на юге)' – ТСРЯ (заимствование в форме винительного падежа).

⁴⁷ *Землянка*.

енным с: *Arbussen* (Дингес, 1929, с. 212). С 1864 по 1866 г. в Саратове выпускалась газета «Saratowsche Deutsche Zeitung», адресованная поволжским колонистам-крестьянам. В ней Г. Г. Дингесом найдена не только словоформа *Arbussen*, но и целый ряд базирующих на ней сложных слов, ср.: *Arbusenfelder*, *Arbusenlandstück*, *Arbusenbau*, *Arbusenacker* (с. 216). В архивных документах правления села Прайс⁴⁸ под 1842 г. записано: *Arbusen Roppen*⁴⁹ (с. 220), под 1857 г.: *Gemeinde Arbussen Acker*,⁵⁰ *Arbusen-Roppen*, *Arbusen-Acker* (с. 221).

В собранном нами немецком языковом материале 20-х и 30-х гг. XX в. также выступает, при этом – многократно, существительное *Arbuse*.

Это слово встретилось нам в русско-немецком словаре (РНС-1934), составленном российским немцем Алексеем Ф. Несслером и изданном в Москве в 1934 г. Оно зафиксировано, правда, на втором месте, как второстепенное соответствие, ср.: *арбуз* – *Wassermelone*, *Arbuse*, однако фиксация этой лексемы словарем, предназначенным российским немцам и составленным одним из них, доказывает ее распространенность в языке немецкого меньшинства в 30-е гг. XX в. Интересно заметить, что в первое издание словаря А. Ф. Несслера (РНС-1929) слово *Arbuse* не введено, отмечена только простая переводная пара *арбуз* – *Wassermelone*.

Особое существительное *Arbuse* введено также в буквари,⁵¹ изданные в столице Немреспублики (АССР НП), городе Энгельсе, и предназначенные детям российских (прежде всего – поволжских) немцев. Этот факт – подобно фиксации в словаре – не только доказательство распространенности данной лексемы, но и признание ее нормативности, своего рода кодификация, а также, по всей вероятности, свидетельство вытеснения из речи части немецкого меньшинства того времени общенемецкого синонима *Wassermelone*, ср.:

Die Kollektivisten verkauften Mehl, Kartoffeln, Arbussen und anderes (BF-1935, с. 53);

Die Kollektivisten verkauften Mehl, Obst, Arbussen, Fleisch, Butter und Käse (BF-1937, с. 83).

Слово *Arbuse* попадалось нам также, например, в ежемесячном немецко-язычном журнале «Der Kämpfer» (далее: DK) от 1935 г., выпускаемом в городе Энгельс и адресованном поволжским немцам, ср.:

Noch nie im Leben hatte er solchen unbändigen Hunger nach Arbussen (DK № 8–9, с. 54, 55, 56, 57).

Кроме того, слово *Arbuse* запечатлено в этом источнике и в составе словосочетания (сложного слова):

---

⁴⁸ Приговоры, штрафные книги и др.

⁴⁹ Срывание арбузов.

⁵⁰ Аренда за общественную бахчу.

⁵¹ Подробнее о них: Mędelska – Cieszkowski – Jankowiak-Rutkowska, 2012; Jankowiak-Rutkowska, 2013; Мэндэльска, 2012а.

Er konnte die Arbusenfelder am Abhang der Bodenwelle überblicken (DK № 8–9, с. 54).

В нашем материале имеется также запись из сборника поэзии российских немцев:

[...] *wo die saftigsten Arbusen / labten uns zur Mittagsrast* [...] (GE, с. 218).

В 20-е и 30-е гг. XX в. арбузы успешно разводились российскими немцами и русизм *Arbuse* широко применялся, о чем свидетельствуют, кроме материала, собранного нами и – частично – приведенного выше, записи из меннонитского села Хортица, ср. фонетическую запись: *arbu:s*, а также *bersztaund* ‘баштан’ (Quiring, 1928, с. 108; см. также: Жирмунский, 1979, с. 492). Кроме того, в немецких диалектах Поволжья, наряду с новыми (т. е. порожденными советской эпохой) заимствованиями, Николаем Н. Берниковым (1941) замечены старые русские заимствования, не утратившие своей материальной опоры, такие как именно *арбуз*, *бахча*, *амбар* (с. 260).

В послевоенное время особое существительное *Arbuse* отмечалось многими лингвистами, изучавшими немецкие диалекты СССР, оно привлекает внимание диалектологов вплоть до наших дней – напр., Генрих Я. Панкрац (1965) заметил, что, заимствуя русское слово, немцы поменяли его род (перевели из мужского рода в женский): *Erbühs* (с. 31). В форме *Harbus* наш русизм известен в немецких островных говорах Сибири (Москалюк, 2003, с. 169), в формах *harp:use / arbu:z*: используется немцами Северного Таджикистана (Смирницкая, 2002, с. 218).

Долгое время русское влияние на язык российских немцев наблюдалось почти исключительно в области лексики. В первую очередь переселенцы заимствовали у своих русских соседей названия таких предметов,⁵² с которыми впервые в жизни столкнулись именно на своей новой родине (Жирмунский, 1979, с. 492), в том числе и обозначения плодов и овощей, разведением которых жители немецких поселений занялись на Волге и на Украине. В Германии XVIII в. арбуз не был популярен (он культивировался в странах с сухим и жарким климатом). Немецкие переселенцы – выходцы из регионов, разрушенных войнами, этот экзотический фрукт не знали и с его немецким названием *Wassermelone* редко кто из них мог быть знаком. На новой родине обозначили этот экзотический плод русским словом *арбуз: Arbuse*. У их потомков, выращивающих арбузы в России, мало было возможностей столкнуться с литературным немецким названием, да и – ввиду широкого распространения слова *Arbuse* в языке немецкого меньшинства – не было у них никакой надобности вводить в обиход другое обозначение (Mędelska – Cieszkowski – Jankowiak-Rutkowska, 2012, с. 110–111).

Arbuse – русское⁵³ слово, одним из первых чужеродных слов попавшее в язык выходцев из Германии XVIII в., вполне укоренилось в речи российских

⁵² В широком смысле слова *предмет*.

⁵³ У части немцев – украинское.

немцев и бытует в ней еще и в наши дни. Его наличие – это один из отличительных признаков словарного запаса немцев России. Можно предположить, что язык российских немцев стал одним из источников, из которых русизм *Arbuse* вошел в немецкий язык, употребляемый в Германии, и – как довольно редкий синоним родного *Wassermelone* – стал отмечаться некоторыми словарями.⁵⁴

Источники

- BF-1935 – BELLENDIR, N.: Fibel. Engels: Deutscher Staatsverlag 1935. 81 S.
BF-1937 – BELLENDIR, N.: Fibel. Engels: Deutscher Staatsverlag 1937. 96 S.
DK – Der Kämpfer. Monatsschrift für Literatur und Kunst. Organ des Bundes der Sowjetschriftsteller der ASSRdWD 1935.
GE – ВОРМСБЕХЕР, Гуго (сост. и предисловие): Die Glocken in der Erde. Sammelband der russlanddeutschen Poesie. Подземные колокола. Сборник поэзии российских немцев. Москва: Литературное агентство «Варяг» 1997. 311 с.

* * *

- РНС-1929 – НЕССЛЕР, Алексей Ф. (ред.): Русско-немецкий словарь. Москва: Советская энциклопедия 1929. 992 с.
РНС-1934 – НЕССЛЕР, Алексей Ф. (ред.): Русско-немецкий словарь. Москва: Советская энциклопедия 1934. 1342 с.

Литература

- БЕРЕНД, Нина Г.: Демографическая характеристика носителей севернобаварского говора села Ямбург Алтайского края. В сб.: Вопросы диалектологии и истории немецкого языка. Межвузовский сборник научных трудов. Выпуск 3. Ред. Г. Г. Едиг. Омск: Издательство Омского государственного педагогического института им. А. М. Горького 1978, с. 10–14.
БЕРНИКОВ, Николай Н.: Процесс перестройки фонетической структуры крестьянской речи (из наблюдений над современными немецко-волжскими языковыми отношениями). В: Ученые записки ЛГУ. Серия филологических наук. Выпуск 3, 1941, № 58, с. 255–291.
БОНИ, Роза А.: О типах межъязыковой интерференции. В сб.: Вопросы структуры германских языков. Выпуск 3. Ред. Г. Г. Едиг. Омск: Издательство Омского государственного педагогического института им. А. М. Горького 1978, с. 23–30.
БУГАЙ, Николай Ф.: Депортация немцев с юга России в 40-е годы: причины, ход, последствия. В сб.: Российские немцы на Дону, Кавказе и Волге. Материалы Русско-Германской научной конференции, 22–26 сентября 1994 г. Ред. Е. А. Шервуд. Москва: Международный союз немецкой культуры 1995, с. 40–52.
ВЕЙЛЕРТ, Артур А.: Типологическая классификация волжско-немецкого диалекта. В сб.: Вопросы строя немецкой речи. Выпуск 3. Ред. А. М. Косякин. Владимир: Министерство просвещения РСФСР 1975, с. 97–106.
ВЕЙЛЕРТ, Артур А.: Русское слово в немецкой диалектной речи. В: Вопросы языкознания, 1979, № 3, с. 82–94.

---

⁵⁴ Другой возможный (параллельный?) путь – заимствование из латинского языка.

герман, Аркадий А.: Немгосиздат. В кн.: Немцы России. Энциклопедия. Т. 2. Ред. М. В. Карев и др. Москва: Общественная академия наук российских немцев 2004, с. 630.

герман, Аркадий А. – ПЛЕВЕ, Игорь Р.: Немцы Поволжья: краткий исторический очерк. Саратов: Издательство Саратовского университета 2002. 144 с.

герман, Аркадий А. – ИЛАРИОЛОВА, Татьяна С. – ПЛЕВЕ, Игорь Р.: История немцев России: учебное пособие. Москва: МСНК-пресс 2007. 543 с.

ДИЗЕНДОРФ, Виктор Ф.: Екатеринбург-Баронск-Екатеринбург-Марксштадт-Маркс: судьба крупнейшего немецкого поселения в Поволжье. В сб.: Российские немцы на Дону, Кавказе и Волге. Материалы Русско-Германской научной конференции, 22–26 сентября 1994 г. Ред. Е. А. Шервуд. Москва: Международный союз немецкой культуры 1995, с. 196–210.

ДИЗЕНДОРФ, Виктор Ф. (сост.): Немцы России. Населенные пункты и места населения. Энциклопедический словарь (приложение к энциклопедии Немцы России). Москва: Общественная академия наук российских немцев 2006. 470 с.

ДИНГЕС, Георг Г.: К изучению говоров Поволжских немцев (результаты, задачи, методы). В: Ученые записки Саратовского университета имени Н. Г. Чернышевского, 1925, т. IV, выпуск 3, с. 12–20.

ДИНГЕС, Георг Г.: О русских словах, заимствованных поволжскими немцами до 1876 года. В: Ученые записки Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского, 1929, т. VII, с. 195–236.

ДУЛЬЗОН, Андрей П.: Проблема скрещения диалектов по материалам языка немцев Поволжья. В: Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка, 1941, т. III, с. 82–96.

ЖИРМУНСКИЙ, Виктор М.: Итоги и задачи диалектологического и этнографического изучения немецких поселений СССР. В: Советская этнография, 1933, № 2, с. 84–112.

ЖИРМУНСКИЙ, Виктор М.: Проблемы переселенческой диалектологии. В сб.: Общее и германское языкознание. Ред. В. М. Жирмунский. Ленинград: Наука 1979, с. 491–516.

ЗИНКОВСКАЯ, Нина Я.: Некоторые особенности языковой ситуации в населенных пунктах с русско-немецким населением. В сб.: Языки и топонимия Алтая. Межвузовский сборник. Ред. И. А. Воробьева. Барнаул: Издательство Алтайского государственного университета 1981, с. 98–106.

КАРЕВ, Владислав М. и др. (ред.): Немцы России. Энциклопедия. Т. I. Москва: Общественная академия наук российских немцев 1999. 832 с.

КАРЕВ, Владислав М. и др. (ред.): Немцы России. Энциклопедия. Т. II. Москва: Общественная академия наук российских немцев 2004. 747 с.

КУБИЦКАЯ, О. и др. (ред.): Немцы России. Энциклопедия. Т. III. Москва: Общественная академия наук российских немцев 2006. 893 с.

ЛЮТОВА, Тамара Ф.: Демографическая характеристика носителей немецких говоров Любинского района Омской области. В сб.: Вопросы структуры германских языков. Выпуск 3. Ред. Г. Г. Едиг. Омск: Издательство Омского государственного педагогического института им. А. М. Горького 1978, с. 100–106.

ЛЮТОВА, Тамара Ф.: Из истории возникновения немецких поселений на Волыни. В сб.: Вопросы диалектологии и истории немецкого языка. Межвузовский сборник научных трудов. Ред. Г. Г. Едиг. Омск: Издательство Омского государственного педагогического института им. А. М. Горького 1979, с. 50–54.

МОСКАЛЮК, Лариса И.: О некоторых лексических отличиях немецких говоров. В сб.: Вопросы диалектологии и истории немецкого языка. Межвузовский сборник научных трудов. Ред. Г. Г. Едиг. Омск: Издательство Омского государственного педагогического института им. А. М. Горького 1979, с. 55–61.

МОСКАЛЮК, Лариса И.: Социолингвистические аспекты речевого поведения российских немцев в условиях билингвизма. Барнаул: Издательство Барнаульского государственного педагогического университета 2000. 166 с.

МОСКАЛЮК, Лариса И.: Явления интерференции в лексико-семантической системе островных немецких говоров. В сб.: Немцы Сибири: история и культура. Материалы Четвертой международной научно-практической конференции. Омск, 29–30 мая 2002 г. Ред. Н. А. Томилов – Т. Б. Смирнова. Новосибирск: Издательский дом «Наука» 2003, с. 167–172.

МЭНДЭЛЬСКА, Иоланта: Об исследовательском проекте: Советизация языка российских немцев в 20-е и 30-е гг. XX века. В: Язык и социальная действительность, 2012, № 1–2 (3–4), с. 147–162.

МЭНДЭЛЬСКА, Иоланта: Об индоктринации детей российских немцев (на основе немецкого букваря от 1937 г.). В сб.: VI Международные Севастопольские Кирилло-Мефодиевские чтения: сборник научных работ. Т. VI. Севастополь: Издательство Севастопольского городского гуманитарного университета 2012, с. 87–98.

ПАНКРАЦ, Генрих Я.: Об ассимиляции заимствований из славянских языков в нижне-немецком диалекте в СССР. В сб.: Вопросы языкознания и методики преподавания иностранных языков (сборник статей). Ред. Г. Я. Панкрац. Алма-Ата: Издательство Алма-Атинского государственного университета 1965, с. 28–35.

ПЛЕВЕ, Игорь Р.: Манифест Екатерины II от 22 июля 1763 г.: обещания и реальность. В сб.: Российские немцы на Дону, Кавказе и Волге. Материалы Русско-Германской научной конференции, 22–26 сентября 1994 г. Ред. Е. А. Шервуд. Москва: Международный союз немецкой культуры 1995, с. 26–32.

СМИРНИЦКАЯ, Светлана В.: Архивные материалы академика В. М. Жирмунского по изучению немецких поселений в России. В сб.: Российские немцы. Проблемы истории, языка и современного положения. Материалы международной научной конференции. Анапа, 20–25 сентября 1995 г. Москва: Готика 1996, с. 55–60.

СМИРНИЦКАЯ, Светлана В.: Исследователи немецких диалектов Поволжья. В кн.: Труды по германистике и истории языкознания. Ред. С. В. Смирницкая. Санкт-Петербург: Наука 2002, с. 294–297.

СМИРНИЦКАЯ, Светлана В. – БАРОТОВ, М. А.: Немецкие говоры Северного Таджикистана. В кн.: Труды по германистике и истории языкознания. Ред. С. В. Смирницкая. Санкт-Петербург: Наука 2002, с. 151–312.

ЧЕБОТАРЕВА, Валентина Г.: Государственная и национальная политика в Республике немцев Поволжья 1918–1941 гг. Москва: Общественная академия наук российских немцев 1999, 464 с.

ЧЕБОТАРЕВА, Валентина Г.: Язык немецкий. В кн.: Немцы России. Энциклопедия. Т. III. Ред. О. Кубицкая и др. Москва: Общественная академия наук российских немцев 2006, с. 865–890.

ЧЕБОТАРЕВА, Валентина Г. – ЧЕРКАЗЬЯНОВА, Ирина В.: Образование. В кн.: Немцы России. Энциклопедия. Т. II. Ред. М. В. Карев и др. Москва: Общественная академия наук российских немцев 2004, с. 681–682.

ЧЕНЦОВ, Виктор В.: Проблема политических репрессий против немцев Украины в свете документов НКВД. В сб.: Вопросы германской истории. Немцы в Украине. Материалы немецко-германской научной конференции, Днепропетровск, 26–29 сентября 1995 г. Ред. С. И. Бобылева. Днепропетровск: Издательство Днепропетровского государственного университета 1996, с. 164–174.

ШЛЕЙХЕР, Иосиф И.: Пособие по истории российских немцев. Барнаул: Издательство Алтайского краевого института повышения квалификации работников образования 1992. 96 с.

* * *

BEREND, Nina – JEDIG, Hugo: Deutsche Mundarten in der Sowjetunion. Geschichte der Forschung und Bibliographie. Marburg: N. G. Elwert Verlag 1991. 403 S.

BEREND, Nina – POST, Rudolf: Wolgadeutscher Sprachatlas (WDSA) (aufgrund der von Georg Dinges 1925–1929 gesammelten Materialien bearbeitet und herausgegeben von Nina Berend, unter Mitarbeit von Rudolf Post). Tübingen – Basel: Francke 1997, S. 5–15.

BRANDES, Detlef: Einwanderung und Entwicklung der Kolonien. In: Deutsche Geschichte im Osten Europa. Rußland. Hrsg. G. Stricker. Berlin: Siedler Verlag 1997, S. 35–110.

DINGES, Georg: Über unsere Mundarten. In: Beiträge zur Heimatkunde des deutschen Wolgagebietes. Pokrowsk (Kosakenstadt): Abteilung für Volksbildung des Gebiets der Wolgadeutschen 1923, S. 62–72.

DINGES, Georg (bearbeitet von Berend Nina, unter Mitarbeit von Rudolf Post): Wolgadeutscher Sprachatlas (WDSA). Tübingen – Basel: Francke 1997. 320 S.

IWANOW, Mikołaj: Pierwszy naród ukarany. Polacy w Związku Radzieckim 1921–1939. Warszawa – Wrocław: Państwowe Wydawnictwo Naukowe 1991. 399 s.

JANKOWIAK-RUTKOWSKA, Maria: Radzieckie elementarze dla dzieci Niemców Rosyjskich wydane w roku 1937 przez Nemgosizdat i Ukrdershazmen. In: Диалог культур: лингвокультурологическая база гуманитарного образования. Ред. Т. А. Яценко и др. Симферополь: Издательство «Доля» 2013, с. 123–127.

LEBIODA, Tadeusz: Niemcy rosyjscy w polityce RFN na tle ich znaczenia w Rosji i relacjach niemiecko-rosyjskich w latach 1763–2003. Wrocław: Oficyna Wydawnicza Arboretum 2004. 548 s.

MĘDELSKA, Jolanta: Исследовательский проект: Советизация языка российских немцев в 20-е и 30-е гг. XX века. В: Dialog kultur. Języki wschodniosłowiańskie w kontakcie z polszczyzną i innymi językami europejskimi. Red. J. Mędelska – E. Titarenko. Bydgoszcz – Symferopol: Wydawnictwo Uniwersytetu Kazimierza Wielkiego 2013, s. 196–206.

MĘDELSKA, Jolanta – CIESZKOWSKI, Marek: Pierwsze sowietyzmy w niemieczyźnie współczesnej (na podstawie porewolucyjnego słownika rosyjsko-niemieckiego). In: Sprachkontakte in Zentraleuropa. Sprach- und Kulturkontakte in Europas Mitte. Studien zur Slawistik und Germanistik 1. Hrsg. A. Kątny. Frankfurt am Main: Peter Lang 2012, S. 91–111.

MĘDELSKA, Jolanta – CIESZKOWSKI, Marek – JANKOWIAK-RUTKOWSKA, Maria: Kartka z mrocznych dziejów szkolnictwa Niemców nadwołżańskich. In: Linguistica Bidgostiana, 2012, t. IX, s. 102–123.

MĘDELSKA, Jolanta – JANKOWIAK-RUTKOWSKA, Maria: О советской версии языка немцев Поволжья, отраженной московским словарем А. Ф. Несслера. В сб.: V Международные Севастопольские Кирилло-Мефодиевские чтения: сборник научных работ. Т. V. Севастополь: Издательство Севастопольского городского гуманитарного университета 2011, с. 205–221.

MĘDELSKA, Jolanta – JANKOWIAK-RUTKOWSKA, Maria: *Kolchoskontor, Spezumsiedler, Balanda, Schtschi* и другие лексические особенности в языке поэзии российских немцев. In: Slavia Orientalis, 2014, t. LXIII, nr 1, s. 89–108.

QUIRING, Jacob: Die Mundart von Chortitza in Süd-Russland. München: Druckerei Studentenhaus München, Universität 1928. 128 S.

STRICKER, Gerd (Hrsg.): Deutsche Geschichte im Osten Europas. Rußland. Berlin: Siedler Verlag 1997. 699 S.

ZÜGE, Christian Gottlob: Der russische Colonist. Naumburg 1802–1803 (приводится по: Дин-гес, 1929, с. 201).

Сокращения словарей и энциклопедий

БНПРС – ВАСИЛЬЕВ, Олег П. (сост.): Большой немецко-русский и русско-немецкий словарь. Москва: Дом славянской книги 2010. 896 с.

НРС – ГЛЕН-ШЕСТАКОВА, Надежда В. – ЛИНДНЕР, Вера Б. – ОРЛОВА, Агнесса О. – РАХМАНОВ, Игорь В. (сост.): Немецко-русский словарь. Москва: Русский язык 1983. 526 с.

ТСРЯ – УШАКОВ, Дмитрий Н. (ред.): Толковый словарь русского языка. Т. 1–4. Москва: Советская энциклопедия 1934–1940. 5525 с. (Т. 1: А – Кюрины. 1562 с.; т. 2: Л – Оловеть. 1039 с.; т. 3: П – Ряшка. 1424 с.; т. 4: С – Ящуриный. 1500 с.)

ЭСРЯ – ФАСМЕР, Макс: Этимологический словарь русского языка. Т. 1–4. Москва: Прогресс 1987. 2936 с. (Т. 1: А – Д. 573 с.; т. 2: Е – Муж. 671 с.; т. 3: Муза – Сят. 831 с.; т. 4: Т – Ящур. 861 с.).

* * *

BW – WERMKE, Matthias – KUNKEL-RAZUM, Kathrin – SCHOLZE-STUBENRECHT, Werner (Hrsg.): Duden. Das Bedeutungswörterbuch. Band 10. Mannheim: Bibliographisches Institut 2002. 1152 S.

DGFWB – BAER, Dieter – FRITZSCHE, Pia – HERFURTH, Michael: Duden. Das große Fremdwörterbuch. Herkunft und Bedeutung der Fremdwörter. Mannheim: Bibliographisches Institut 2000. 1552 S.

DGWDS-1977 – DROSDOWSKI, Günther (Hrsg.): Duden. Das große Wörterbuch der deutschen Sprache in 6 Bänden. Mannheim – Wien – Zürich: Bibliographisches Institut 1977. 2992 S.

DGWDS-1999 – SCHOLZE-STUBENRECHT, Werner (Hrsg.): Duden. Das große Wörterbuch der deutschen Sprache in zehn Bänden. Mannheim – Leipzig – Wien – Zürich: Dudenverlag 1999. 4800 S.

GWDP – PIPREK, Jan – IPPOLDT, Juliusz: Großwörterbuch Deutsch-Polnisch. T. 1–2. Warszawa: Staatlicher Verlag / Państwowe Wydawnictwo Wiedza Powszechna 1976. 2116 s.

EHDS – DROSDOWSKI, Günther (Hrsg.): Duden. Bd. 7. Etymologie. Herkunftswörterbuch der deutschen Sprache. 2. Aufl. Mannheim – Wien – Zürich: Dudenverlag 1989. 839 S.

SNPPN – BENDER, Anna – ŻAK, Krzysztof (oprac.): Słownik niemiecko-polski i polsko-niemiecki. Warszawa: Wydawnictwo Naukowo-Techniczne 1994. 489 s.

SUSW – SCHOLZE-STUBENRECHT, Werner – WERMKE, Matthias (Hrsg.): Duden. Bd. 8. Die sinn- und sachverwandten Wörter. Mannheim – Leipzig – Wien – Zürich: Dudenverlag 1997. 858 S.

TEDS – LINDEMANN, Herman: Taschenwörterbuch der englischen und deutschen Sprache, zweiter Teil, Deutsch-Englisch. Berlin – Schöneberg: Langenscheidtsche Verlagsbuchhandlung 1912. 506 S.

WDW – WAHRIG, Gerhard: Deutsches Wörterbuch. Mit einem Lexikon der deutschen Sprachlehre. München: Bertelsmann Lexikon Verlag GmbH 1986. 1493 S.

WFWL – WAHRIG, Gerhard: Fremdwörterlexikon. München: Mosaik Verlag 1983. 828 S.

WSPNNP – CZERSKA, Urszula – WALEWSKI, Stanisław (oprac.): Wielki słownik polsko-niemiecki, niemiecko-polski. Berlin – Monachium – Warszawa – Wiedeń – Zurych – Nowy Jork: Langenscheidt 2005. 1439 S.

Электронные источники

EW – KÖBLER, Gerhard: Etymologisches Wörterbuch. 1995. Online: <http://www.koeblergerhard.de/derwbhin.html> (время доступа: 21.09.2013).

<http://www.duden.de/rechtsschreibung/Arbuse> (время доступа: 21.09.2013).

PONS. Online-Wörterbuch Deutsch-Polnisch. Online: <http://www.pons.de/shop/> (время доступа: 21.09.2013).

PONS. Online-Wörterbuch Deutsch-Englisch. Online: <http://www.pons.de/shop/> (время доступа: 21.09.2013).

http://ru.wikipedia.org/wiki/Камышинский_арбузный_фестиваль (время доступа: 21.09.2013).

Resumé

O SLOVE *ARBUSE* AKO JEDNOM Z PRVÝCH RUSIZMOV V JAZYKU RUSKÝCH NEMCOV

V štúdiu je prezentovaný proces formovania nemeckých nárečových ostrovov v Rusku a v bývalom Sovietskom zväze. Od 2. polovice 18. storočia sa do Ruska sťahovali obyvatelia rôznych nemeckých oblastí. Ruské úrady ich najčastejšie umiestňovali do tzv. kolónií ako kompaktných osád dedinského typu, obyčajne od seba vzdialených. Nemci masovo osídľovali Povolžie, južné Rusko, Krym, Kaukaz, ako aj okolie Petrohradu, Novgorodu, Voroneža či Volyň.

Pristaňovalci z Nemecka boli nositeľmi rôznych dialektov a nárečí. Pri usadzovaní v kolóniách sa najčastejšie združovali podľa náboženského vyznania alebo s ohľadom na priateľské vzťahy vzniknuté počas cesty do Ruska. V dôsledku toho sa v jednej kolónii usídľovali ľudia hovoriaci až niekoľkými desiatkami nárečí. Ich pôvodné nárečia sa navzájom miešali a vytvárali spoločný kód, ktorý si však – vzhľadom na nedostatok kontaktu so živou nemčinou – zachovával archaické príznaky.

Napriek značnej izolovanosti Nemcov od Rusov sa výpožičky z ruštiny objavili v ich jazyku rýchlo, už počas dlhej cesty do novej vlasti. Nemci preberali najmä lexiku, ktorá bola nevyhnutná pre každodenný život.

Pri výskume sovietskeho variantu jazyka ruských Nemcov autori štúdie zistili, že sa v ňom často vyskytuje rusizmus *Arbuse*, ktorý je – ako ukazujú údaje slovníkov – v nemčine používanej v Nemecku zriedkavý. Z výsledkov výskumu vyplynulo, že výraz *Arbuse* je v jazyku ruských Nemcov jedným z najstarších a najrozšírenejších rusizmov. Špecifický jazykový kód ruských Nemcov sa akiste stal jedným z prameňov, odkiaľ táto výpožička prenikla aj do spisovného nemeckého jazyka ako zriedkavé synonymum domáceho *Wassermelone*.